

MLCS 94/5839

FT MEADE
GenColl

Изъ Библіотеки для чтенія А. Смирдина

№ 10405

За годъ . . .	10	рубл. сер.	За чтеніе книгъ съ жур-
За полгода	6	» »	налами 20 рубл. сер.
За 3 мѣсяца	4	» »	Новыя книги держать не
За мѣсяцъ	2	» »	болѣе двухъ недѣль.

Суды - РГ 1041

на

кур-

не

РУКОПИСЬ

ПОКОЙНАГО

ВЛЕМЕНТІЯ АКИМОВИЧА

ХАБАРОВА,

СОДЕРЖАЩАЯ РАЗСУЖДЕНІЕ О РУСКОЙ АЗБУКѢ, И
БИОГРАФІЮ ЕГО, ИМѢ САМИМЪ ПИСАНУЮ,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

ПОРТРЕТА, И СЪѢМКА СЪ ПОЧЕРКА СЕГО
ЗНАМЕНИТАГО МУЖА.

Non lo conobbo il mondo.

РЕТВАРСА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАЬОВСКАГО.

М. ДСССХХVIII.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по ошпечашаніи пред-
сшавлены были въ Цензурный Комитетъ
три экземпляра. Москва, Іюня 28 дня, 1828
года. Цензоръ *Сергѣй Глинка*.

РАЗГОВОРЪ СЪ ПУБЛИКОЮ.

Я Евгений Трешейской, покуда не учили меня лучше приехали, признаюсь шоржеспивенно и добровольно, что написаль ешо предисловіе въ подражаніе хипроумному авшору забавнаго Евгенія Вельскаго.

ВМѢСТО РАЗГОВОРА СЪ КНИГОПРОДАВ-
ЦЕМЪ РАЗГОВОРЪ СЪ ПУБЛИКОЮ.

O IMITATORES!

Я. Милосшивая государыня! добрая
спрасшошерпица публика! почшенная бла-
годѣшельница! предлагаю вамъ, машушка,
книжку новую.

Публика. Ншо ты?

Я. Евгений Трешейской.

Публика. (*Зъвал:*) Евгений?... уже ешь...
Евгений Вельской. (*Зъваетъ.*)

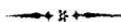
Я. Но, машушка, моя единственная бла-
годѣшельница! шо Евгений Вельской, а я
Трешейской! Прочши мою книжку! Посмо-

при, какъ хорошо она напечатана! Пис-
стоящими французскими, парижскими
чернилами; лихеры новья, поршрешъ
авшора, его fac simile. . . разговоръ.

Пувлика. Непадо! непадо! Меня уже
много обманывали ешими французскими
чернилами, и поршрешами.

Я. Какъ угодно, благодѣшельница и за-
сшупница моя. . . Но я не опсшану—вошъ
моя книжка—прочшше ее. . . прочшше..
прочшше!

ВМѢСТО РОМАНА ВЪ СТИХАХЪ
РАЗСКАЗЪ ВЪ ПРОЗѢ.

Г Л А В А I.

Въ 1801 году, я возвращался съ манарьевской ярмонки. Я. . . угодно ли вамъ знашь: кто я? Я и теперь шоже, что былъ тогда... ошешавной студентъ. Занимаюсь лишшерашурою, древнею и новою, фило-софіею, богословіею, всѣми науками и ис-кусствами; знакомъ со всѣми учеными, со всѣми лишшерашорами, шинографщи-ками, переплещниками, книгопродавцами, бумажными фабриканшами и любителями приятнаго и полезнаго чшенія. Но ешо обширное знакомство, не мѣшася мнѣ занимаюсь настоящимъ моимъ дѣломъ. . а настоящее мое дѣло: промыселъ книж-ный! Я книгопродавецъ—кочующій.

II, III, IV, V, VI, VII, VIII,

IX, X, XI, XII

Я очень знаю, что теперь не въ модѣ большія главы, и что не надобно порядка

въ нумераціи главъ. . Знаю—за то вошѣ
вдругъ глава XII-я!

Ешо право лучше спариннаго порядка!...
Божусь! наши спаринки никакъ бы не свя-
зали главу первую съ двѣнадцатою! А для
насѣ ешо ничего не смѣшѣ. .

Вы знаете, кшо я—шакъ слушайте же
продолженіе первой главы. Въ 1801 году я
возвращался съ макарьевской ярмонки.—
Счастливое время! Какъ я тогда былъ ве-
селъ, безпечень! Я, все шотѣ же ошсав-
ной студеншѣ: волосы мои не сѣды, (по-
шому чшо я ношу парикъ): но все не шо!
все не шо, чшо тогда было! Я устаю
вехода на лѣвшинцу—голосѣ мой немножко
дрожишѣ; глаза *не смотря на очки* и смоп-
ря въ очки плохо видяшѣ! —

Спарось! спарось! — — — —

. . . . . — — — — . . . . . — — — —

XIII.

— — — — —
— — — — —

. . . . .

XIV—XV.

XVI.

Еши шире и почки шакже имѣюшѣ свои
прияшности. Добросовѣстный чшашель

подумаешь, что шире и почки замбили какую нибудь свѣжую, яркую, смѣлую мысль, непропущеную цензоромъ; чиша-шель шайнштвенный пустился въ догадки: *что бы значили еши шире?* Не скрывается ли шушь какого умысла? . . и пр. пр.

Я ошкровененъ—и говорю (сѣ ошкровенностию автора Ев. В..) что наши почки, наши шире *поспавлены такъ*. . . не для чего.... а пошому, что шире и почки имѣ-юшѣ свои приашиности, и безѣ нихѣ не бываетѣ въ наше время поемѣ и романовѣ. Вотѣ вамѣ и еще — — — — —

и . . . . .
— — — — —
. . . . .

XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII,
XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII,
XXVIII, XXIX, XXX, XXXI, XXXII.

XXXIII.

Я вошелъ на постоялый дворъ. .

«Ей! хозяйка! принеси самоваръ! Живо!» Такъ закричалъ человекѣ, имѣвшій приашную наружность. Онѣ былѣ въ сѣромѣ сершукѣ—въ желшыхѣ нанковыхѣ брю-нахѣ—на бѣлый жилешѣ полосами прилегла

дорожная пыль — подлѣ него лежала кожаная сумка для бумагъ—зеленый сафьянный каршувъ, и корневая шрубка съ корошенькимъ чубукомъ... Онъ сидѣлъ спиною къ окну, прямо прошивъ двери, въ кошорую я вошелъ.

XXXIV.

Мы обмѣнялись поклонами... и знакомство наше получило прочную основу..

— — — — —

. . . . .

XXXIX.

Самоваръ зачихъ—шолько прыгали пюзьрьки изъ подъ опронинушыхъ чашекъ.. Бѣлая кошна усѣлась на полу прошивъ насъ, и приспально смотря на чайный приборъ, мяукала жалобно и шомно.. Я сидѣлъ повсея голову... Онъ спаль рышься въ кожаномъ мѣшкѣ.

XL.

Зашумѣла бумага. Онъ вышацилъ изъ сумки шешрадку и спаль ее перелисшывашь.. Я *подиялѣ* свою голову... и сдѣлался его соглядашаемъ. — — —

Лице его приняло вдругъ самое жалостное выраженіе — лобъ сморщился какъ листъ кочанной капусташ. . . .

У всякаго свое горе! подумалъ я. Бѣдникъ вѣрно принадлежишь къ огромной семьѣ горемычныхъ.

XLII, XLIII, XLIV, XLV,
XLVI. XLIX.

Мы ѣхали до самой Москвы, все вмѣстѣ. . . . Ошъ Перова представилась она жаднымъ взорамъ нашимъ и взоры наши не могли насытиться глядя на величественную. . . . Свободный разговоръ о томъ, о семъ, о всемъ, невольно настроилъ души до самыхъ завѣсныхъ ошкликовъ. . . . Я узналъ жизнь его—узналъ, что книга въ кожаномъ мѣшкѣ, которую онъ читалъ съ такою выразишельною горестію, называется: новѣйшая руская азбука. . . . его сочиненіе—плодъ долготѣшихъ соображеній—единственное дѣла его лиширатурныхъ вдохновеній.

L.

И въ Москвѣ мы ешали жить вмѣстѣ. Я оставилъ свой промыселъ—перескалъ кочевашъ по уѣздамъ — и сѣлъ въ его

книжную лавку. Добрый человек! Онъ полюбилъ меня. . . Извинише! Воспоминаніе! . . . Слеза! . . .

LII, LIII, LIV.

LV.

Въ Февралѣ 1805 года онъ занемогъ — Докшоръ потчасъ сдѣлалъ ему извъ прошой просуды неизлѣчимую чахошку.— За мѣсяць до смерти своей, онъ призвалъ меня къ себѣ. . . Могильное спокойствіе уже водворилось на лицѣ его — блѣдномъ, но приянномъ.

LVI.

«Евгеній! сказалъ онъ мнѣ, я умру! Умру скоро! Ты мой наследникъ! Не кланяйся, а слушай.—Требую отъ тебя одного — чшобъ ты издалъ въ свѣствъ ешу рукопись. (Онъ указалъ мнѣ на извѣстную шешрадь.) При ней ешь моя біографія. Чшобъ изданіе сошвѣшешвовало важности содержанія, можешь прибавишь корошинькое предисловіе, сообразное со вкусомъ времени. Но ешаго мало. Приложи къ сочиненію мой поршрешъ, и свѣомовъ съ моего почерка. Папечаташь въ лучшей шиппографіи не жалѣя бумаги — француз-

сними чернилами, а портретъ нельзя ли будетъ выгравировать въ Вѣнѣ? Но приступишь къ изданію черезъ 25 лѣтъ со дня моей смерти — черезъ 25 лѣтъ, не прежде! слѣд. въ 1828-мъ году!

LVII.

И его не спало въ Іюлѣ мѣсяцѣ. — Я схоронилъ ошашии его на даниловскомъ кладбищѣ. Пѣтъ камня на могилѣ его — иѣтъ надписи — такъ завѣщаль онѣ, бесѣдуя со мною о близкой смерти своей. Желанія умирающихъ священны!

LVIII.

Прошло 25 лѣтъ! . . Онѣ умерѣ въ 1803 году, шеперь 1828. . . Исполняю завѣщаніе моего благодѣштельнаго друга. Вотѣ его біографія, его портретѣ, его fac simile, и его азбука. Кажешся я исполнилъ шо, чего онѣ желаль! Не правда, ли почтенная благодѣшельница, покровишельница публичка? Бумага усачевская, чернилы настоящія парижскія — предисловіе въ нынѣшнемѣ вкусѣ, а портретѣ печашанѣ въ липографіи художинна. . . кошорый бывалѣ въ Вѣнѣ.

Какая разсѣянность однакожь! Я еще не сказалъ, что онъ, ешошъ благодѣтельный другъ мой! Извините: онъ назывался Клеменцій Якимовъ Хабаровъ, а что онъ былъ—что онъ былъ—что дѣлалъ на ешошъ свѣшѣ, расскажешъ онъ самъ въ своей біографіи.

Евгеній Третейской,

кочующій книгопродавецъ.

1828 года,

Юня 26 дня.

Любезный друг, Евгений Кирилович!

Убежденный уверяем разумом, в'несомненно
пользе, повторю принесет Российскому слову сочинение
мое, прошу тебя, издаѣ в' свет сию рукопись, по
прошествии 25^{ти} лет, после смерти мое.

В. Г. Бутыркин

Клементий Саварое
редактор его книги

1802го года,

Июня 25го дня

на Бутыркин

ЖИЗНЬ

К. А. ХАБАРОВА,

ПИСАНАЯ ИМЪ САМИМЪ.

Non omnis moriar...

Н О В.

Я считаю себя... сорокъ, сорокъ одинъ, или сорокъ два года, не болѣе... слѣдовательно, я родился... въ 1763 или 1764 или 1765 году... шакъ! Впрочемъ, не знаю навѣрное: не помня ни отца, ни матери, и никого изъ родныхъ, просиительно незнаю, въ какомъ году я родился, гдѣ я родился и кто меня крестилъ.

Ещешъ маленькій недосшапокъ въ моей биографіи, нимало не превожилъ меня, потому что вѣшь никакой пользы знать годъ, мѣсяцъ и число своего рожденія. . Это пустое обыкновеніе закоренѣлая привычка людей, шакже полезна, для каждаго изъ насъ, какъ изшлевшая расходная книга давнихъ временъ. Я никогда не писалъ и не пишу расходовъ: деньги приходяшъ и уходяшъ своимъ порядкомъ—шакъ и жизнь: считаеми ли мы ее, или не считаеми,

приходишь, идешь и уходишь—своимъ порядкомъ !

Опять не моя вина, что я не знаю, какъ назывались мои предки, кто былъ опецъ мой. . . Какъ бышь ! жалѣшь о шомъ бесполезно—я какъ Шлецеръ, думаю, что весь свѣшь ешь одно великое семейство. . . и что мужикъ съ родни Гансбургскому двору, но, если хошите непременно, чтобы я указалъ вамъ своихъ предковъ—я скажу : мой прародитель Адамъ, а вы, любезный или почтенный чинашель, мѣъ близкій родственникъ; довольно ли съ васъ ?

Когда моя мыслишельная сила была еще *безсиліе*, и я дѣйствовалъ шолько однимъ осязаніемъ—шогда, разумѣшся, я ничего не понималъ. Что мелькало передъ глазами—на какіе звуки опкликалась моя машина—не помню. . . разумѣшся ! Но вотъ что залегло въ мою память : маленькій домикъ (на Шабаловкѣ), дворикъ, садикъ, женщина повязаная розовымъ плашкомъ. . . . мужчина въ свѣшпо-зеленомъ мундирѣ. . . . и еще. . . но какъ будшо во свѣ, помню, человека въ красномъ плащѣ. . . книги подъ шоломъ, гдѣ я ползалъ. . . акаціи передъ окнами. Женщина съ розовымъ плашкомъ кормила меня—я ее очень помню. —Ешощъ первый оппечашокъ на памяти моей случился вѣрошшо на 5 году опъ моего рожденія.

Я опкликался на слово : Клеми ! но слова : папа, мама, шяшя, шѣшя никогда не касались моего слуха. Вѣрошшо, еши люди, кошорыхъ схватила на первыхъ порахъ моя память, — были

шакже чужіе для меня—и принимали участіе по денежнымъ убѣжденіямъ.

Помню, будучи уже лѣтъ 4, 5, что мужчина въ свѣтло-зеленомъ мундирѣ, кошорого звали бариномъ, и Якимомъ иванычемъ, обыкновенно очень рано уходилъ со двора, возвращался къ обѣду, пошомъ садился къ окну, передъ сполникомъ и писалъ. У него была жена—сердишная, бравчиная,—она часно сѣкла меня... Богъ знаетъ за какія вины, шолько вѣрно понапрасну: я не помню, за *что* меня наказывали. У насъ обыкновенно бьютъ и сѣкутъ ребенка, если онъ не спишь, когда его уложашъ въ постель; если уронишь стаканъ, разольешь молоко, или не смѣнешъ когда ему приказывающъ смѣяться... забавно! какъ будшо ребенокъ понимаешъ, что стекло ломко, что онъ *долженъ спать*, когда ему не хочѣтся спать. . Взрослые люди всегда поропящся приравливанъ свои дѣтскія понятія къ машинкѣ двигающагося живошнаго, кошорую мы называемъ, младенцемъ, и ребенкомъ. . За шо еши взрослые люди, еще болѣе сердящся на шого же ребенка, сдѣлавшагося уже человекомъ, если онъ опередилъ ихъ своими понятіями о вещахъ, о всемъ видимомъ, и постигаемомъ разумомъ.

Не помню первыхъ уроковъ — но какъ будшо вчера случившееся, память моя сохранила, какъ я сидѣлъ у ногъ сердишой жены Якима иваныча, и пшнулъ въ слѣдъ за нею: азъ нашъ глаголь ешь ге, анге, люди ерь—Ангель—буки люди азъ ла, бла; глаголь онъ го, благо; добро азъ

да, благода, швердо ерь-шь, благодашь, и пр. . . Какъ она меня колошила по головѣ, какъ она брыкала меня ногами, какъ сѣкла, и сшавила на колѣни съ азбукой намокшей ошь слезь моихъ. Помню и часшыя споры ея съ мужемъ за меня. Онъ говорилъ, что не хорошо бишь ребенка, особливо по головѣ; а она швердила, что и безпояшный мальчишка, и не хочу учишься изъ одного упрямышва. Богъ ей судья! Испиво не знаю, чего она ошь меня хошѣла, зашавляя корпѣшь половиу дня падь изорванною книжонкою, и указывая на уродливыя каракульки, ошь кошорыхъ у меня песпрѣло въ глазахъ, распѣвашъ съ нею: азъ нашъ глаголь ешь ге, анге, люди ерь, Ангель? . Чшо ей казалось шакъ легко, и поняшно, и ясно—для меня было непосшижимою загадкою. Поняшя мои спали глубокимъ сномъ, и засыпали все крѣиче и крѣиче ошь розогъ, крику, шолчковъ и брани.

Однажды, въ лѣшнее ушро, кажешся въ Июнѣ, моя сердичая нашавница нарядила меня въ новинькое бѣлое канифасное плашье, дала въ руки красный сафьянный карпузь, шпросшочку съ шелковымъ шнуркомъ, съ золошыми кисшями, и сказала, что ученье мое кончилось. . . что я пойду гулянь съ Якимомъ иванычемъ. Не умѣю выразишь шогдашнихъ ошущеній моихъ. Ешо была *первал радость* въ жизни, первое ошущеніе удовольствія въ свѣжемъ, юномъ существѣ. О! какъ я помню ешо ушро! Пробужденная душа моя, почувя свободу, какъ шичька

вылетѣвшая изъ клѣшки, весело смотрѣлась во всѣ предметы; ловила и угадывала все, что предсказывалось взорамъ.

Мы прошли множество улицъ. Все дивило меня, все щекотало любопытство, все разпаляло несдержимую, но оградную жажду познавать. Наконецъ мы остановились у одного высокаго каменнаго дома; „здѣсь училище, Клементій! — „здѣсь тебѣ весело будешь; шушь множество „пакихъ же, какъ ты, мальчиковъ! Учись при- „лжно—и тебѣ будешь хорошо, и всѣ полюбятъ „тебя!“ Вошь слова, сказаннаго мнѣ Якимомъ иванычемъ, когда мы всходили на высокую, крушую лѣшницу—это была гимназія. Якимъ ив. привелъ меня къ начальнику, сказалъ: вошь онъ! Тотъ отвѣчалъ: очень хорошо!.. Як. ив. поклонился и ушелъ, а я остался передъ начальникомъ.

Я былъ въ совершенномъ разбѣяніи: глаза не успѣвали обсматривать всѣ новые предметы, копорые имъ предсказались въ кабинетѣ ученаго мужа... Я забылъ свою Шаоловку, азбуку, розги, буки азъ ба... Но начальникъ прервалъ мое раздумье—звонкомъ въ колокольчикъ. Явился спорожь,—шарикъ, въ сѣромъ серпукѣ съ медалями, и съ почтительностію уславился противъ начальника. „Проводи ешаго мальчика въ нижній классъ, сказалъ онъ, указывая на меня—и приготовь для него кровать въ маленькой комнатѣ..—Слушаю, ваше высокоблагородіе! сказалъ спорожь—и схватилъ меня за руку, повелъ, куда ему было

приказано. Я послѣдоваль за нимъ съ покорно-
стію ягненка.

Но довольно! довольно о дняхъ моего без-
цвѣтнаго младенчества... Зачѣмъ поминишь па-
мять свою ешими воспоминаніями, а вась чина-
тели, скучною повѣстію, занимательною шолько
для одного меня... Но, вы мои родные—и я вамъ
разсказываю все, шакъ какъ разсказаль бы винов-
никамъ моего бытія. . Я ихъ не знаю—не зналь..
никогда не узнаю—и умру, никѣмъ не оплака-
ный—поговоримше же покуда, мои родные!

Я пробывль 8 лѣтъ въ гимназіи. Училсь—спа-
ралсь—догадывалсь. Во все ещо время—ни разу
я не видаль ни Яким. ив., ни жены его: я не
грушилсь о нихъ и не раздумывалсь—они въ-
рояшно еще менѣ заботились обо мнѣ. На-
чальникъ гимназіи, надзирашель и учитель
шакже, непривлекали меня къ себѣ—и я очень
равнодушно выслушалъ объявленіе, что послѣ
нашупающихъ экзаменовъ *меня выпуститль*...
Еслибъ кто нибудь, шогда, спросилъ меня: ку-
да?... Я удивилсь бы ешому прошлему вопросу.
Не имѣя поваяшя о родительскихъ ласкахъ и
связяхъ родства, я выросль круглымъ сиротою; но
положеніе мое въ свѣтѣ не предшавлялось мнѣ
ни жалкимъ, ни зашруднительнымъ. Я смодрѣль
на жизнь и свѣтѣ безъ шпраха, безъ ожиданія
дурнаго, или хорошаго, Осшавленный съ младен-
чества на собственную волю, мнѣ должно было
искашь въ самомъ себѣ силы и совѣша, а
пошому я рано узналь великую истину, что че-

ловѣкъ рожденъ для трудовъ, и что только посредствомъ трудовъ, можно сдѣлаться независимымъ отъ людей и ихъ прихотей. Трудисься, чтобы быль независимымъ, не прашись времени на желанія и ожиданія—вошь мои правила и теперь. Можеть бышь, я думаль бы иначе, елибь судьба понѣжнѣ ввела меня въ мѣръ божей. . . Можеть бышь я, по слѣдамъ другихъ спаль бы добивашся бригадирства, пенсий, кресшиковъ. . . Но природа машь, дала мнѣ спокойный характеръ,—и вошь, ошь чего неощущаю *благороднаго стремленія* къ чинамъ и почестямъ! Мнѣ все равно!—Я ни мало не забочусь о шомъ, что надъ могилою моею не будеть означень годъ моего рожденія, чинъ, имя, ошечество, фамилия, ордена, . . . Ешо карришурное ушѣщеніе никогда не дурачило моего разсудка, и забавникамъ, гуляющимъ по кладбищамъ, не удася прочестъ мой формулярный списокъ, — очень нужный для попомшва!

Мнѣ уже за 40 лѣшь; но, благодаря моимъ попяшѣмъ, я ни одного раза еще не испышалъ припадковъ чесполобїа. Чувствую, что нынѣшній годъ будеть послѣднимъ годомъ моей жизни,—и не жалю, ни о жизни, ни о чемъ, что ошашенся въ ешомъ свѣшѣ! Дни мои прошли и прохощашь однообразно и тихо. Я спокоень, но иногда приходишь мнѣ на мысль спранный вопросъ: для чего я былъ созданъ? за чѣмъ живу на ешомъ свѣшѣ? — спойло ли шруда родишься, чтобы жишь шакъ, какъ я живу? Ду-

маю, думаю, и не зная, какъ распушанъ цѣлый клубокъ вопросовъ : для чего ? почему ? на что ? за чѣмъ ? ошъ чего ? говорю въ свое ушѣненіе : я жилъ для шого, чшобъ сочинишь новую рускую азбуку ! и ешо рѣшеніе, разсѣкаешь клубокъ вопросовъ моихъ , какъ мечъ александровъ разсѣкъ гордіевъ узель. У всякаго свой конекъ , у всякаго свои зашѣи , у всякаго барона своя фаншазія. Моя, не баронская фаншазія, не вредишь никому ; я увѣренъ даже, что она полезна : но объявишь ее должно черезъ 25 лѣтъ послѣ моей смерши.

Продолжаю мою повѣсть о себѣ. Экзамены кончились ;—сказали, что я хорошо учился, дали мнѣ ашшеспашъ—и я вышелъ изъ училища ! Я вышелъ ! Куда же войши ? Куда ишши ? Рабошанъ ! рабошанъ ! сказала я самъ себѣ (мнѣ было лѣтъ 15 или 16) ; но какую избранъ рабошшу ? переписывашъ, или опредѣлишь въ книжную лавку въ сидѣльцы , или въ шипографію , въ наборщики, корректоры ? Тушь вспомнилъ я, что, недалеко ошъ домика Якима иваныча была шипографія. Не шеряя времени, я пошелъ шуда.

Вошелъ на ешу улицу, меня разсмѣшило восшоминаніе о розгахъ и азбукъ. Мнѣ захошѣлось взглянушь на домикъ , гдѣ я узналъ жизнь , на дворикъ , по кошорому ползаль. . посмѣянься надъ собою, съ Якимомъ ив., и его женою. . . и сказала я, невольню предаваясь раздумью : можешъ бышь—шупъ узнаю что нибудъ о род-

ныхъ своихъ. Иду. Вошь шипографія. Гдѣ же домикъ Якимъ иваныча? Тамъ, гдѣ оны сполья нѣкогда—пустырь; мѣсто заросло высокою крапивою; кой-гдѣ изъ-подъ ея жгучихъ листьесъ высовывающся кирпичи, печные изразцы. . . Домъ сгорѣлъ. . . ешо ясно! Смошря на печальныя оспашки моего приюша, я невольнo заду- мался. . . Миѣ сшало грустно. . . Казалось, что еще курился дымокъ въ кучѣ разбишыхъ кирпи- чей — и съ ешимъ дыткомъ, исчезали навсегда мои веселыя мечшы и упѣшипельныя надежды!. Я вздохнулъ, поклонился печальному пожарищу какъ гробу знакомаго челоѣка, и пошелъ въ шипографію.

„Что шебѣ надобно дружокъ? А?—спросиль меня красноносый спаричокъ въ зашрапезномъ халашѣ. . . А? Что шебѣ надобно? — Хозяина „шипографіи, сударь?—Ну, я хозяйинъ шипогра- „фії, чтожъ шебѣ надобно?—Я иду мѣсна, су- „дарь: не примеше ли вы меня? — Да на какую „пошребу? А?—Я могу бышь наборщикомъ.—А въ „какой шипографіи шы былъ прежде, дружокъ?— „Я, ни въ какой еще не былъ.—Такъ сшало шы „ничего на знаешъ, а миѣ шакихъ не надо.—Я су- „дарь, скоро выучусь, могу бышь и корректо- „ромъ... Да кшо шы? — Вошь извольше посмош- „рѣшь!“

Онъ принялъ мой апшесшашъ. . . Хорошо! „корректора миѣ нужно, да шы молодъ, дру- „жокъ! . . . — Посшарѣю, сударь,—Гдѣжъ шы жи- „вешъ?—Нигдѣ, сударь!

О! какъ мнѣ спало горько! Первый человекъ, которому предложилъ я свои услуги, не милосердо далъ мнѣ почувствовать мое ничтожество — — жестокой, грубой человекъ! Видя, что я бѣднякъ безпріютный, онъ холодно сказалъ мнѣ еще разъ: мнѣ тебя не нужно, дружокъ! спускай съ Богомъ!“ — Онъ зналъ варваръ, что я изъ одного хлѣба рѣшусь служить у него. „Прощайте! сказалъ я, и пошелъ, но онъ ворочилъ меня. „Мнѣ тебя жаль—оспанься у меня— „я принимаю тебя къ себѣ: ты мнѣ понравился, „дружокъ! Спускай же теперь за своими пожитками и перевозись.—За какими пожитками? Кого перевозить? спросилъ я, смотря на содержашее, „ля пишографіи.—„Ну, свое имѣніе —— Оно все „со мною, сказалъ я.—Какъ? у тебя ничего нѣтъ:— „Все, что я имѣю, со мною!“ сказалъ я, и не спсигалъ, чего еще надобно, когда я одѣшь?

Я поселился въ пишографіи. Спалъ набирашь, печашашъ, чпашашъ корректуру,—и въ годъ выучился всему пишографскому дѣлу. Работаша шрудная—за то здоровая. Всѣмъ, потерявшимъ апешиншъ, всѣмъ разслабленнымъ олъ удовольствій, я бы совѣшовалъ только одинъ мѣсяць поработашашъ въ пишографіи въ должности шередорщика. . Увѣрешъ, что они выздоровѣющъ совершенно.

Въ ешой пишографіи я пробылъ два года: работашалъ какъ лошадъ, не получая жалованья; довольшшвовался самою поспшною пищею и сверхъ своей должности, ошправлялъ разные

домашнія работы, какъ то: караулить садъ, счищаль куръ, ходилъ на рынокъ за провизіей, носилъ на почту письма и посылки и пр. . Однажды я попросилъ жалованья — и мнѣ указали двери, сказавъ: съ Богомъ! — Я поклонился, поблагодарилъ за всё мило-спи, и перешелъ въ другую типографію. Наконецъ, 22 года, посшоянно занимаясь при разныхъ типографіяхъ, я кое-какъ накопилъ ошъ остатковъ жалованья, пшшь пшсыачъ рублей и— приобрѣлъ обширное знакомство. Всѣ московскіе ученые, поешы, переводчики, библиоманы, книго-продавцы, компиашоры, разносчики книгъ, бумажные фабриканшы,—всѣ любили меня, и спна-рались помогашъ въ моихъ нуждахъ. Многіе со-вѣщывали мнѣ завѣспи свою типографію—но я предпочелъ квижную торговлю, и сдѣлался продавцемъ произведеній россійскихъ писател-лей и переводчиковъ. Конечно, имѣшь типогра-фію выгоднѣе—но въ 22 года, мнѣ шакъ надобѣль скрипѣ становъ, глухой звукъ лишеръ, что я, и шеперь обхожу шѣ улицы на кошорыхъ еспѣ типографіи. Сверхъ того, я очень не доволенъ нашими типографіями: какъ много надобно и времени и шрудовъ, чтошбъ довести ихъ до козможнаго совершенства! Руская азбука, форма лишеръ, шакже, шребуюшь большихъ пре-образованій! Всякой разъ, вабирая какую нибудь книгу, я думаль о улучшеніи лишеръ азбуки: вмѣсно ошдыха, послѣ работы, чершилъ фор-мы буквъ, или задумывался надъ безшолковой аз-

букой нашей! Сдѣлавшись книгопродавцемъ, и имѣя много свободнаго времени, я спалъ записывалъ свои мысли, и предположенія о лишеряхъ и азбукѣ—вышло небольшое сочиненіе, кошпное и назначаю издавъ въ свѣтъ, черезъ 25 лѣтъ послѣ моей смерти. . . .

Кочевая жизнь книгопродавца, вѣдающаго по ярмонкамъ мнѣ очень понравилась. . . Чуждый всѣмъ людямъ, не спешившій въ волѣ своей, я прокочевалъ бы всю жизнь—но въ прошедшемъ году, возвращаясь изъ Росшова, я простудился—закашлялъ—и благодарю Ивана давидовича моего дѣкаря, теперь едва дышу. Въ ушѣшеніе мое, онъ объявилъ мнѣ что у меня извурительная чахотка. И паче, въ ожиданіи вѣрнаго сиушника ея, смерти, спокойно смошрю на жизнь свою, безбурную, безцвѣтную—и ушѣщаюсь мыслию, что прожилъ и живу какъ добрый человекъ! Не спрашусь смерти и суда божія! Я былъ шипографцикомъ—но зарабатывалъ свое жалованье шрудями тяжельми, извурительными. Я былъ книгопродавцемъ—но авшоры и переводчики любили меня: я неругался надъ ихъ бѣдностію, не скупалъ за безцѣнокъ ихъ сочиненій, не бралъ по 20 и 25 проц. за комиссію какъ мои шоварищи, а довольствовался 5-ю проценшами!

Я былъ знакомъ со всѣми шипографциками но ни съ однимъ не имѣлъ тайныхъ сношеній: не покупалъ ошъ нихъ за пятую часнь цѣны сочиненій, ошпечатаанныхъ тайно ошъ хозяина книги—и называемыхъ дефекшами!

Я переходилъ изъ шипографіи въ шипографію пошому, чпо немогъ равнодушно видѣшь плушней факторовъ, припечашывающихъ въ свою пользу по боо и боо экземпляровъ чужаго сочиненія. . . .

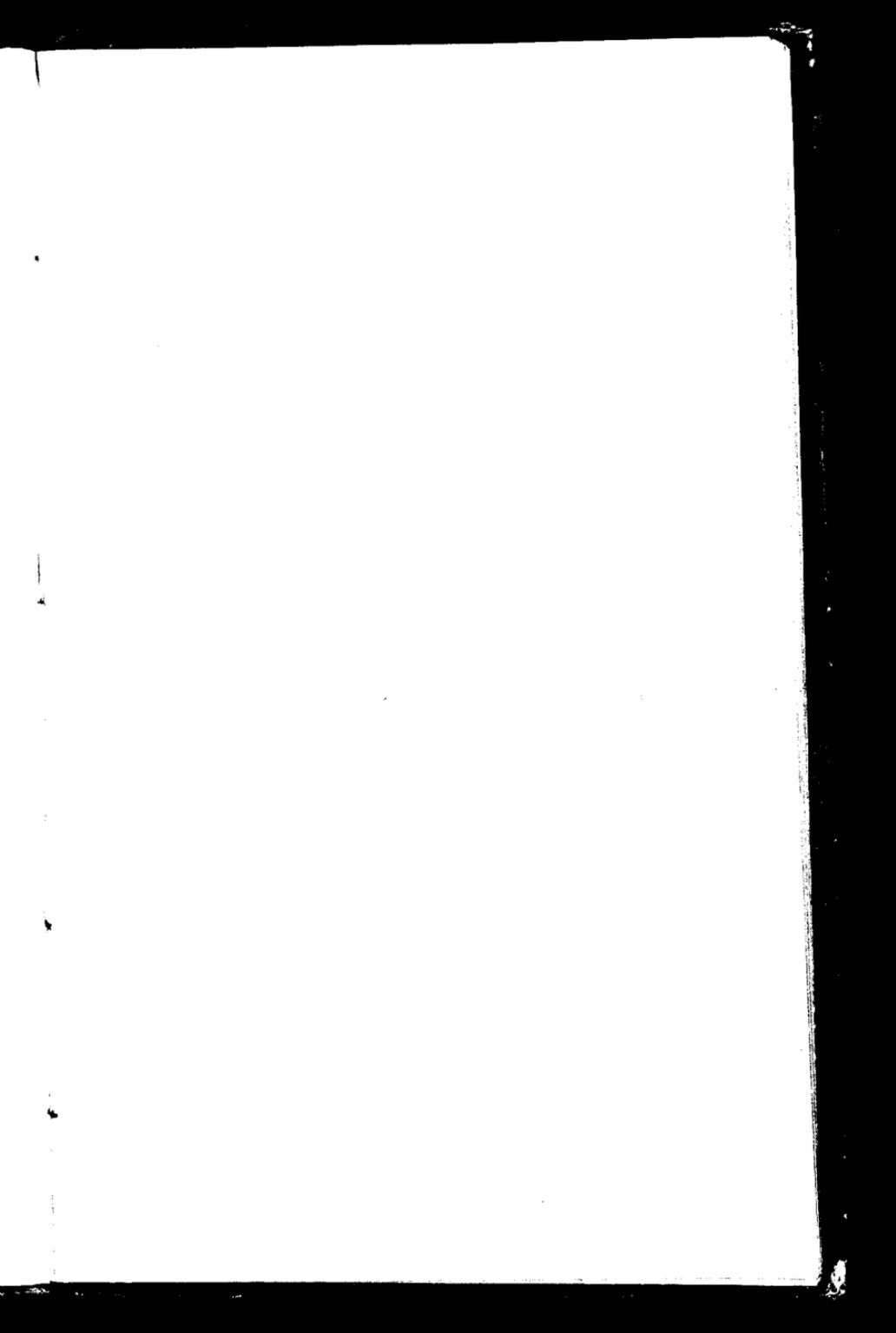
Я не перепечашываль спаринныхъ книгъ, и не поддѣлываль спаринныхъ буквъ.

Желаю, чшобъ всѣ шипографцики и квигопродавцы думали, и поступали шакъ какъ я: шогда книжная шорговля наша распротранишя пошому чшо будетъ основана на взаимномъ доврїи, на честности. Еще надбно прибавить,

Чшо хотѣлъ прибавить Клементїи акимовиць оставеться неразрѣшимою загадкою, потому что, напасавъ: еще надбно прибавить, онъ опрокинулъ на спинку стула. . . перо вышало изъ рукъ его, и смерть убавила его изъ числа живыхъ.

Прилагаемый портретъ писанъ на кости ,
извѣстнымъ художникомъ при московскомъ уни-
верситетѣ Николаемъ сергѣевичемъ Гребенки-
нымъ, въ 1802-мъ году.

К.Я. ХАЧАТУРОВЪ

УСОВЕРШЕНСТВОВАНАЯ
РУСКАЯ АЗБУКА

ИЛИ

СРЕДСТВА ОБЛЕГЧИТЬ ИЗУЧЕНИЕ ОНОЙ
И СПОСОБЪ СОКРАТИТЬ ЧИСЛО РУСКИХЪ
БУКВЪ, ПОЯСНЕННЫЕ ПРИМЪРАМИ.

СОЧИНЕНІЕ

К. А. ХАБАРОВА

ОТСТАВНАГО КОРРЕКТОРА.

БУТЫРКИ.

1800 года Января 5 дня.

Exegi monumentum aere perennius
Regalique situ pyramidum altius. .

H O R A T.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я провелъ 22 года у шпанковъ шипографскихъ, передъ кассами лишерными, и чистая корректуру. Еслибъ разсудокъ мой не работалъ въ то самое время, когда я прикладывалъ лишеру къ лишерѣ, сверсывавая полосы, и сравнивая напечатанное съ оригиналомъ, я сказалъ бы, что еши 22 года,—я просналъ, и видѣлъ, одинъ сонъ, однообразный и ушомишельный. Машинальная работа шипографская не совсемъ придавила мой разсудокъ. Правда, сначала, я набиралъ лишеры какъ и всѣ прочіе на-

борщики, — работала одними глазами и ручною памятью; безъ малѣйшаго вниманія къ тому что набираю, не думая о возможности сдѣлать еще работу просше.

Мысль о возможности улучшения русской азбуки, предсшавилась мнѣ, когда я спала набираю съ одной рукописи, въ кошорой авторъ исключилъ *Ъ*, и *И*. То была рукопись профессора Барсова *.

Я спала изыскивала средства усовершенствовать нашу азбуку, — и вопль слѣдствія моихъ думъ, и соображеній.

---

* См. Москов. журналъ 1792 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О ТЕПЕРЕШНЕЙ РУСКОЙ АЗБУКѢ, И СПОСОБѢ УЛУЧШИТЬ ОНУЮ.

§ 1. Въ русской азбуцѣ теперѣ счислается 35 буквъ:

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, ш, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, њ, ѣ, э, ю, я. ѳ, ѵ.

§ 2. Сколько же бесполезныхъ буквъ! а недоспаешъ нужныхъ, слышимыхъ въ разговорахъ.

Безполезныя: і, щ, њ, ѣ, э, ѳ, ѵ.

Нужныя: ю, ѣ.

§ 3. По моему мнѣнію для рускаго языка нужны только 27 буквъ.

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, ш, у, ф, х, ц, ч, ш, ы, ю, я.

Есихъ 27 буквъ доспаешочно, чшобъ выразить посредствомъ ихъ всякое руское слово.

§ 4. Я сказалъ что у насъ недоспаше двухъ буквъ: ю̇, и й̇. Въ моей азбукѣ онѣ не пужны: е, сѣ двумя почками на верху замѣнишѣ ю̇, а знакъ ˘ надѣ а, е, и, о, у, ы, ю, я, замѣнишѣ й̇. На примѣрѣ, вмѣсто того, что обѣ пишашѣ: подай—поняшно если напишешѣ подѣ; — вмѣсто: поскорѣй, поскорѣ — вмѣсто: свой, свѣ—вмѣсто: пожалуй, пожалу̇—вмѣсто: крошкѣй, крошкѣй — вмѣсто: воюй, вою̇—вмѣсто: валий, вали̇.—

§ 5. Такимъ образомъ, вся азбука руская можешѣ соснояшѣ изѣ 27 буквъ, 19 согласныхъ и 8 гласныхъ.

Я говорю: 8 гласныхъ, вошѣ почему:

У насъ принята жесткокая, затруднительная для ребенка метода означашѣ *буквы, цѣлыми складами.* Но буква ешѣ знакъ — знакъ долженъ бышѣ крашокъ, и пошчасѣ поняшенъ *. Чшо можешѣ бышѣ оскор-

* Буква ешѣ изображеніе *натальнаго звука*, служащаго къ сосшавленію слова, говоришѣ Гречь.

бисельнѣе для человѣческаго понятія какъ наши: азъ, буки, веди, глаголь, добро, еспь? Бѣднѣй ребенокъ! Чѣшобъ сложишь слово ангелъ, зашпавляющѣ его произносишь: азъ, нашъ, глаголь, еспь—анге, люди—еръ—ангелъ! Ужасно! надобно ангельское шерпѣнѣе для учипеля, и ангельскую понятливоспъ ученику, чѣшобъ ладишь съ ешою азбукою. **

§ 6. Зощъ простой, и понятный способъ означать буквы.

А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л,

а ба ва га да е жа за и ка ла

М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х,

ма на о па ра са ша у фа ха

Ц, Ч, Ш, Ы, Ю, Я. ***

ца ча ша ы ю я.

** Писано въ 1800 году.

*** И Французы учашъ шецерь уже не ефъ (F), а фе; не ель (L) а ле,—не емъ (M) а ме; не енъ (N) а не и ш. д. что гораздо ближе къ звуку буквы, и понятнѣе ребенка.

Прилѣжаніа Евгеніа Третьякаго 1828 года.

§ 7. Если произносишь буквы ша-
кимъ образомъ выдешъ что у насъ
8 буквъ гласныхъ: а, е, и, о, у, ы, ю,
я, а остальные 19 согласныя.

Епошъ просшой способъ означашъ
буквы, безъ всякаго сомнѣнiя цѣлыми
мѣсяцами ускоришь обученiе ребенка.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я .

О БЕЗПОЛЕЗНЫХЪ БУКВАХЪ ВЪ РУСКОЙ АЗБУКЪ.

§ 8. Безполезныхъ буквъ въ русской
азбукѣ счисляю 8: именно і, щ, ъ, ѣ,
ѣ, ъ, е, ѣ.

§ 9. Поспашаюсь доказать епо.

I. Въ произношенiи вы не различа-
ете і отъ и,—Іоаннѣ, Иоаннѣ—Іона,
Іона — Іерусалимѣ, Іерусалимѣ —
звукъ шотъ же! Но і употребляешся
у насъ при окончанiи именъ прилага-

пельныхъ: великій, одинакій, кривобокій. . . . Какъ вы ихъ напишете безъ і? Я замѣню ее знакомъ ъ надъ и,—и буду писатьъ великій, одинокій, кривобокій.

Но какъ различимъ на примѣрѣ міръ, опъ мира?—По смыслу! Развѣ мы неразличаемъ множества словъ которые пишутся одинаково на пр. градъ—ключъ—ломъ—икра—змѣй—покой,—бубны и ш. п.

§ 10. III. Произнося ешу букву мы слышимъ что она состоитъ изъ С, и Ч, или изъ Ш, и Ч. Многие уже начали писать: счастье, счешъ, считалъ * вмѣсто щастіе, щешъ, щиталъ. Да и всѣхъ словъ у насъ не найдется семидесяти начинающихся съ щ—и если ешу букву исключимъ изъ нашей азбуки мы ничего не потеряемъ, ибо можемъ замѣнить ее С и Ч или Ш Ч. Дайте

---

* Теперь всѣ шавъ пишутъ.

Прим. Евгенія Третьяковаго 1828.

мнѣ любое слово гдѣ слышно щ, или копорое начинается съ щ, и я вамъ напишу посредствомъ с и ч, или ш съ ч.—*Еше; шелкать—сметина—столокъ—ступѣ*—не по ли же самое чпо: еше, шелкать, щепина, щелокъ, щупѣ? . . . Но обыкновеніе,—но глаза наши, копорые присмотрѣлись ко всѣмъ ешимъ буквамъ! Милоспивые государи! . . . Господь Богъ даровалъ намъ разсудокъ—а не одни глаза!

§ 11 *Ъ*. Вошъ буква, копорая зашла въ рускую азбуку Богъ знаешъ для чего! — «Какъ? она необходима, еша буква *Ъ* говоряшъ нѣкошорые спаровѣры. Какъ написать безъ *Ъ*, объявленіе, обьясненіе, изьясненіе, изьявленіе?— Вошъ какъ милоспивые государи! Объявленіе, — обьясненіе — изьясненіе — изьявленіе! — Вамъ ешо не нравишся? Можно иначе: об-ьявленіе — из-ьясненіе — об-ьясненіе, — и ешо не хорошо? — Такъ вошъ еше средство объявленіе, — изьясненіе — изьявляе-

ніе — . . . Хоть изъ экономических видовъ согласишесь милоспивые государи!.. Сочпшите на досугѣ, сколько сбережешся времени, бумаги, свинцу, чернилъ, безъ ешаго бесполезнаго Ъ. . А что онъ, въ окончаніи словъ совершенно бесполезенъ, о томъ никино не споритъ. За чѣмъ же держать пуцеядца?

§ 12. Ъ. Ешо не буква, ибо означаеъ только звукъ слышимый нами онъ слянія разныхъ буквъ — . . . За чѣмъ же даваъ ему право гражданства въ русской азбукѣ? Не прикажете ли его замѣнить знакомъ ^ и писанъ вмѣсто: пѣнь, пѣнь, сѣнь, ѣхашъ, скакашъ, играшъ, вошъ шакимъ образомъ: пей, шей, сей, лей, схаѣт, скакаѣт, играѣт?

§ 13. Ъ. Вошъ еще буква—бесполезная; но копорая, какъ пронырливый лицемѣръ, или хлопопливый бездѣльникъ, сдѣлалась, не только пужною,

но необходимою, полезною, — она одна можетъ дать вамъ патентъ на званіе грамашнаго и ученаго человека — только узнайте напередъ гдѣ ее употреблять.... а ешаго-шо... никто не знаетъ! Ъ, совершенный лицензѣръ... Одни говорятъ, пишете Ъ, во всѣхъ шѣхъ словахъ въ кононыхъ Малороссіяне произносятъ И! Покорнѣйше благодаримъ! слѣдов. чпобъ писать по руски надобно ѣхать въ Малороссію, или имѣть у себя ручнаго Малороссіянина, для справокъ?.. Другіе, Богъ знаетъ съ чего рѣшишельно вопіюшъ: пишете Ъ въ словахъ: гнѣздо, пріобрѣлъ, блѣдный, мѣлъ, свѣтъ, рѣка, мѣсяцъ... Но почему? за чѣмъ? Развѣ меня непоймушъ если я напишу: приобрелъ, бледный, мелъ, светъ, река, месяцъ? Развѣ смыслъ слова измѣнился отъ моей анципатіи къ езуитской буквѣ Ъ? Никакія усилія учености не могутъ доказать, что для насъ, имѣю-

щихъ уже букву *Е*, нужно еще *Ь*?.....
 Одно изъ самыхъ убѣдительныхъ до-
 казательствъ есть: шакъ писали—
 шакъ пишушъ всѣ грамашины — но
 будшо ешо доказательство? Яговорю:
сегодня, я поѣду въ театрѣ.. и изоб-
 ражаю буквами еши слова, и они по-
 няшны всякому если я напишу: сего-
 дня, я поеду въ шеатрѣ—равно по-
 няшно было бы, еслибъ я написалъ и
 шакъ: сѣгодня, я поѣду въ шѣатрѣ!
 Скажу: веденіе—напишу веденіе, или
 вѣдѣніе—все равно! Къ чему запруд-
 няшъ доступъ къ благодѣтельному
 источнику извѣсяшъ свои мысли по-
 средствомъ знаковъ? Чѣмъ ихъ ме-
 нѣе—шѣмъ лучше—чѣмъ они прос-
 тѣе—шѣмъ скорѣе они зашвержи-
 вающся!

При шомъ, мы узнаёмъ языкъ преж-
 де грамашины—грамашика сосшави-
 лась шогда, какъ образовался языкъ..
 Зная языкъ, миѣ не нужно оплич-
 шельныхъ знаковъ, копорые бы не-

смѣшали въ моемъ поняшии различныхъ словъ пишущихся одинаково. Я пойму и всякій поймешь что *хочу есть* значить: я хочу кушать! какъ бы я ни написалъ ешо. — Ломъ въ костяхъ,—и ломъ желѣзный — миръ съ Персіянами, и миръ Божій...ключь отъ дверей, и ключь воды...Нужно ли пущь для рускаго: І чшобъ опличить міръ Божій отъ мира съ Персіянами—и Ъ, чшобъ поняшию для другихъ сказаць: я хочу ѣсть!

«Но, спало бышь, скажущь нѣкоторые изъ нашихъ грамашеевъ, ешотъ Хабаровъ, хочеть совсемъ уничтожитьъ правила правописанія? Какъ? исключать изъ нашей азбуки: І, Ц, Ъ, Ь, и особенно нашу любезную Ъ, выѣску нашей учености, букву, которую мы едва узнали примѣчая за нею 20, 25 лѣтъ? — Нѣтъ милоспивые государи! высокоученые господа! Хабаровъ думаетъ, что и безъ Ъ, ос-

панешся много пруда, желающимъ правильно писашь по руски; ваша ученость всегда будетъ нужна! Мы говоримъ, или произносимъ слова, совсемъ не такъ какъ пребуешъ по-го правописание; говоримъ: Бохъ, жизнь, харашо, чудесно, прашу, хочешца, . . . а пишемъ по законамъ грамашики (ибо грам. учимъ правильно писашь а не говоришь): Богъ, жизнь, хорошо, чудесно, прошу, хочешся! . . . — Чшо именно такъ должны писашься епи слова—есшь доказательства, и никпо съ вами о помъ неспоришь—но за чѣмъ причисляшь къ правописанію, употребленіе буквъ І, и Ъ, когда у насъ ешь, И и Е, которыми можемъ извяснить все безъ помощи І и Ъ? Но Французы, но Англичане? — ихъ писаніе гораздо мудренѣе выговора: Французы имѣють е, а пишушь аі чшо равно Е—у Англичанъ поже ешь І, а они часто замѣняють его двумя е (ЕЕ). . .

Милоспивые государи!.. за чѣмъ сравненія?.. они не доказашельсва! И Французы, и Англичане, не выйгрываютьъ отъ того, что ихъ орфографія затруднительна, збивчива, безтолкова. Тѣмъ лучше для насъ русскихъ, если наша азбука, и способъ правильно выражать буквами свои мысли—простъ, понятенъ, и ясенъ! Ешо не порокъ—а достоинство, которымъ смѣло можемъ гордиться передъ ученою Европою!

§ 14. Э. Въ рускомъ языкѣ нѣтъ словъ для Э, а иностранные слова выучиваются не по рускимъ азбукамъ — *Ей! етотъ, ехъ, екой*. . вошь всѣ рускіе слова которые угодно нашимъ грамашьямъ писать посредствомъ Э!. Но за чѣмъ Э? Говоря по руски, я знаю какъ говоришь *ей, етотъ, ехъ!* безъ Э! — А какъ ошлчишь поэта, отъ поетъ? я хочу сказать: поэтъ поетъ—ешо понятно; а если оба слова будущъ написаны

сб, Е какъ ихъ различить? Вопиѣ какъ:
поешб, поёшб.

§ 15. *Θ*. Рускіе произносяшб *Θ* какъ
Ф.—*Θ*едорб—*Ф*едорб, *Θ*ивы—*Ф*ивы
*Θ*едошб—*Ф*едошб.—Но грамматиче-
ская полиція вопиешб: «*Ф* пишешся
« шолько вбрускихъ словахъ—авино-
« спранныхъ, *Ф* пишешся шамб, гдѣ у
« Французовъ или Римлянъ *f*, и *ph*!—
(Прекрасное — удолешворительное
правило!)—*Θ*, упопреляешся шолько
« вб словахъ приняныхъ нами отб
« иноспранцевъ и замѣняешб *th*!....
« Ergo—приказываемб пишашъ: фере-
« зи, фиша,—французб, физика фун-
« даментб, фыркашъ—*Θ*еамрб, *Θ*ео-
« дорб, *Θ*ивы, *Θ*едошб!.... Но если
мы осмѣлимся написашъ *Ф*едорб, *Ф*е-
дошб, *Ф*ивы? Какое зло произойдетб
отб шого?.. И будио мы обязаны пи-
сашъ *Θ*, для шого чшоббозначить ею,
слова пришедшія кб намб изб Греціи?
Чему же намб учитьея прежде: рус-
кой грамонб, или греческому, латин-

скому, французскому и шапарскому
языкамъ?... Довольно что нашъ Ф, вы-
говаривается нами точно такъ какъ
Θ...и намъ не надобно ее! Будемъ пи-
сать Федоръ, Фивы, Фезей, Феапръ...
и насъ поймутъ рускіе чипашели!

§ 16. *У*. Благодаря здравому раз-
судку *V* изпрелена—ее не употреб-
ляютъ—но она все еще шорчитъ въ
русской азбукѣ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Примѣры рускаго правописанія, въ
которыхъ нѣтъ і, щ, ѵ, ъ, ѣ, ѓ, ѓ, ѓ.

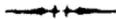
§ 17. Вошѣ нѣскольکو примѣровѣ,
которыя яснѣ покажутѣ мои мысли.

Всѣ примѣры выписаны изъ Московскаго
журнала 1792 года, издавнаго Г. Карам-
зинымъ.

1.

Видение мурзы.

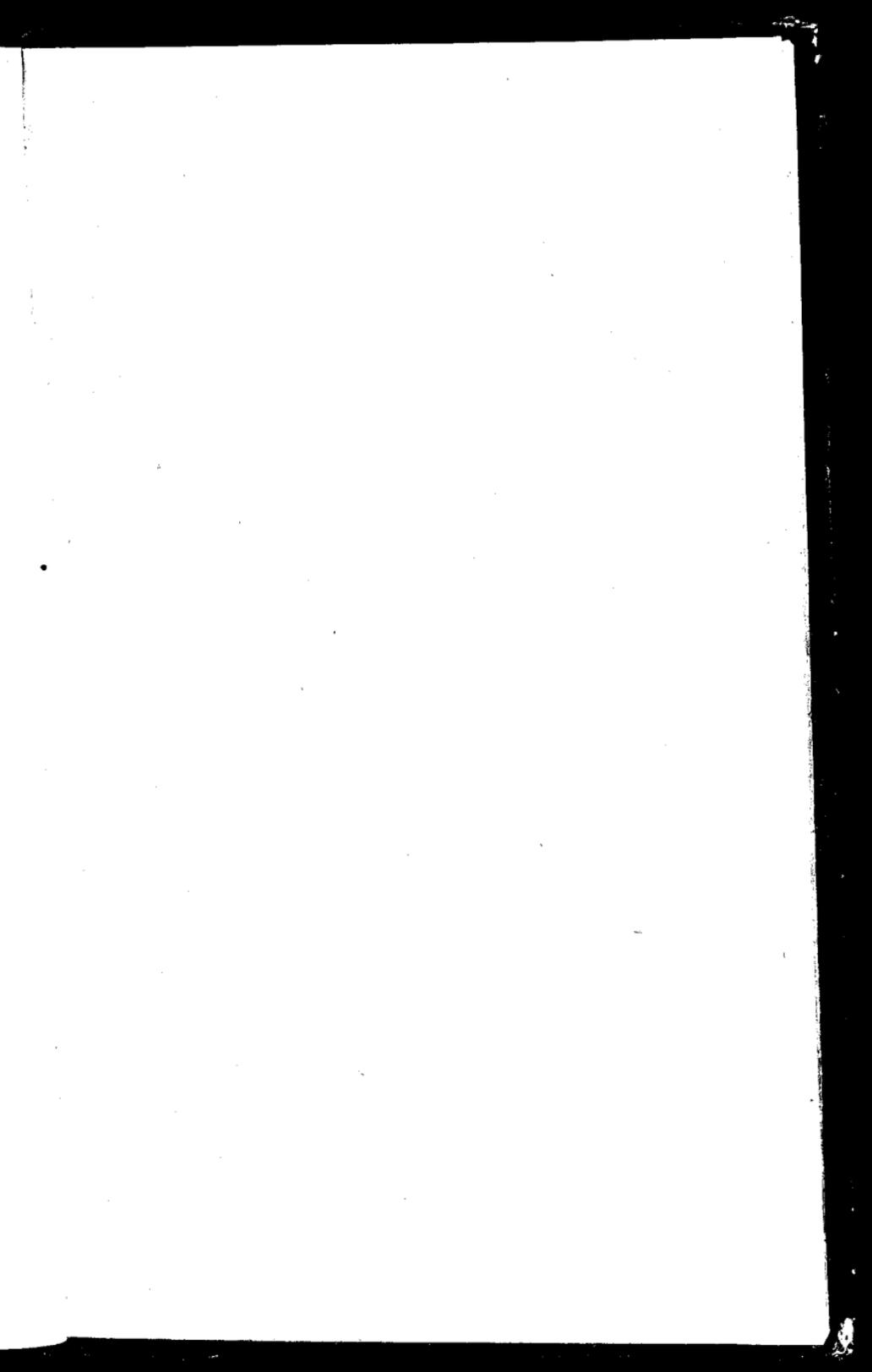
На шемноголубом ефире
Злапая плавала луна;
В серебрянѣ своё порфире
Блиспаючи, с' выш она,
Сквоѣ окна дом мѣ освесчала,
И палевым своим лучем
Злапья спекла рисовала
На лаковом полу моем.

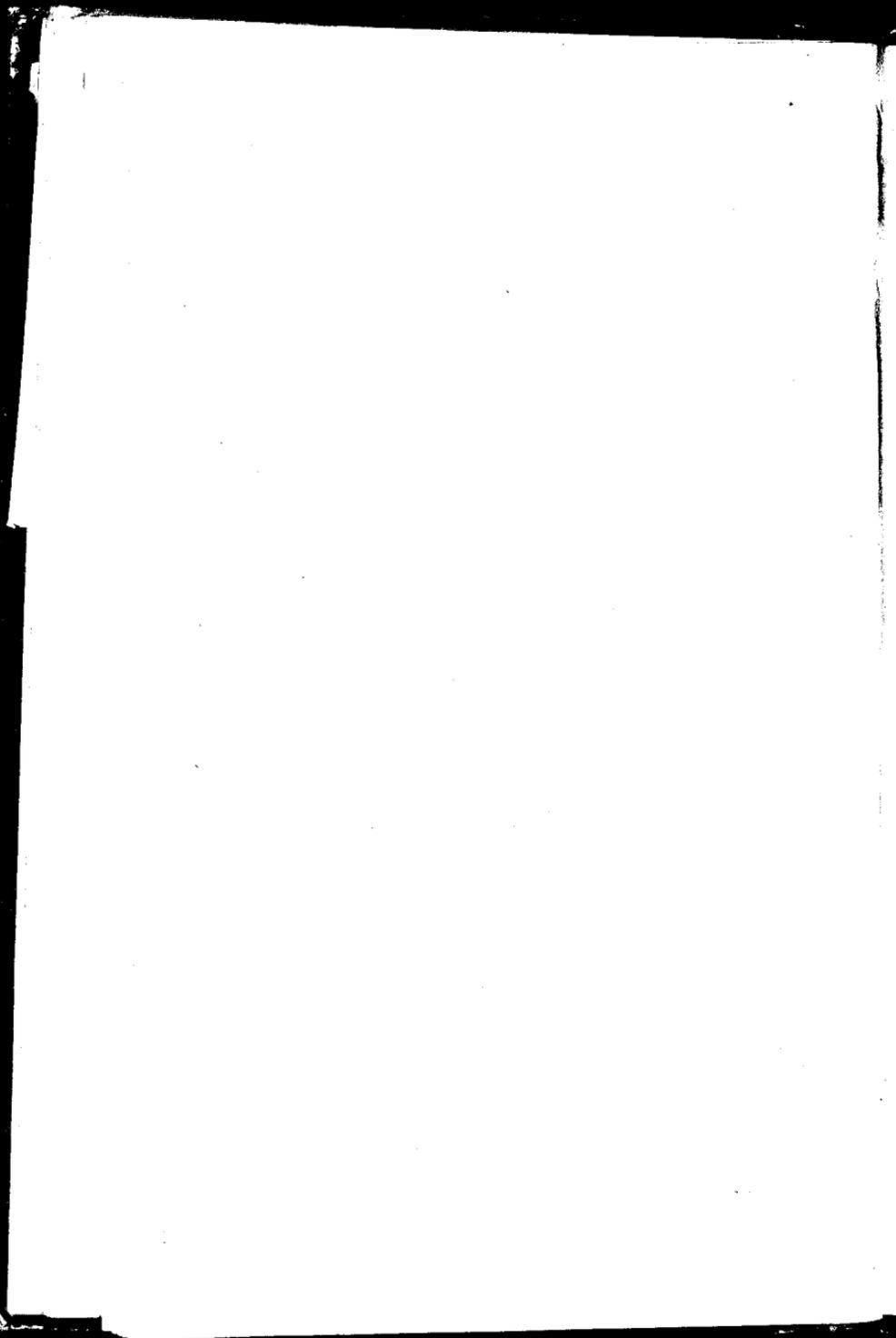

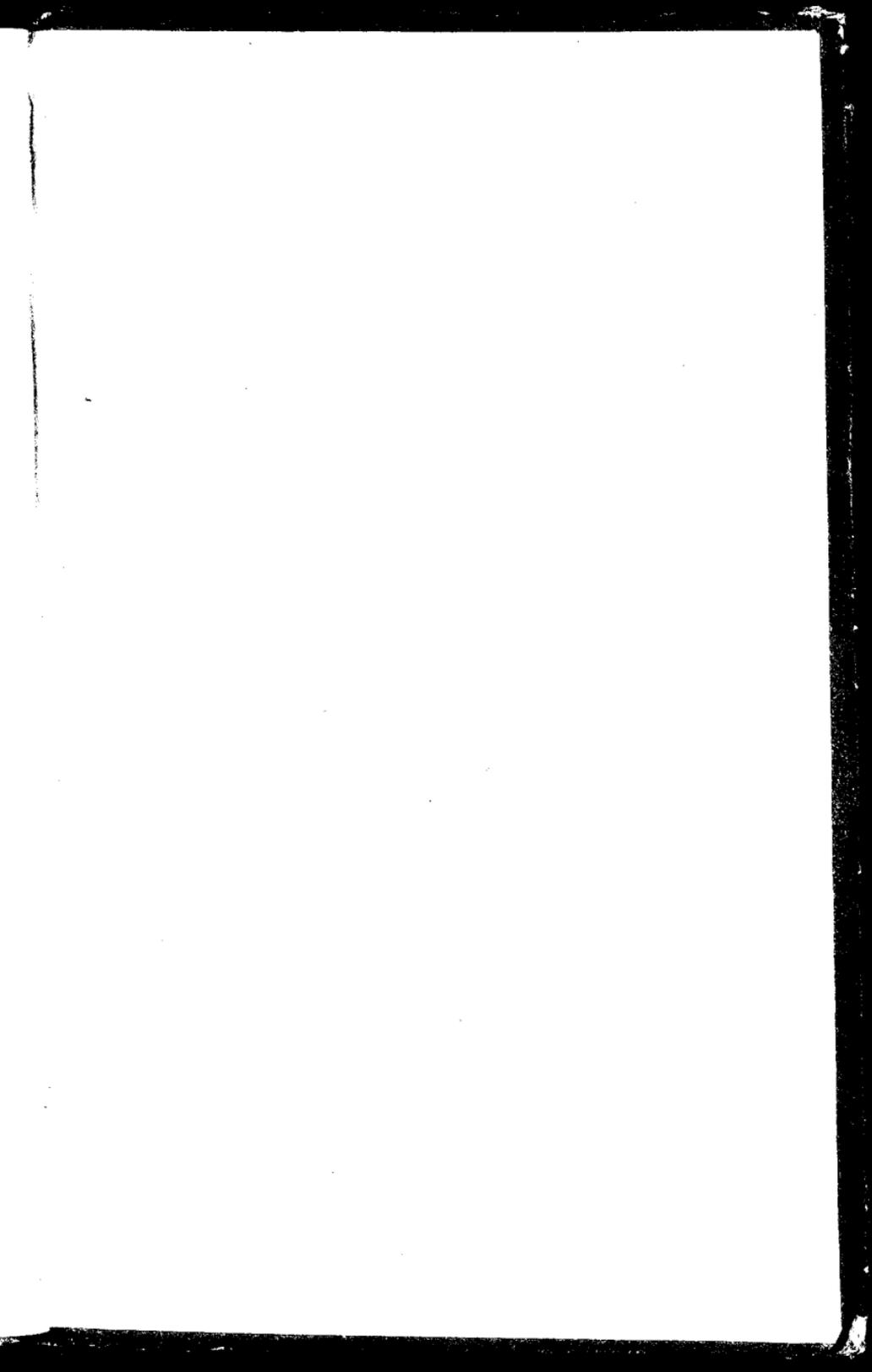
Действосн еспн наше определение. Человек не можеш быти никогда совершенно доволен обладаемым, и спремися всегда к' приобретениям. Смерти заспаш нас на нуши к' чему нибудь, чшо мы есче имѣти хопим. Дѣ человеку все, чего он желает: но он в' шу же минушу почувспвуеш, чшо ешо все, не еспн все.

Глаз по своему образованию не можеш смотрети на себя без зеркала. Мы видим себя шолко в' других предметах. Чувспво бышия, личносн, душа, все сие сущесствует шолко пошому, чшо вне нас сущесствует—по феноменам или явлениям кошорыя (кажешся) до нас касающся.

К О Н Е Ц Ъ.

LIBRARY OF CONGRESS

0 013 074 459 A ●